

ВАЛЕРИЯ КУЛИНА

ОН — ТАЙНА,
КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ
РАСКРЫТЬ

ОНА — ПРОШЛОЕ,
КОТОРОЕ НЕЛЬЗЯ
ЗАБЫТЬ

МЕЖДУ ДОЛГОМ И СЕРДЦЕМ

ИСТОРИЯ О ЛЮБВИ, ПОТЕРЕ
И ВОЗВРАЩЕНИИ ДОМОЙ

✦ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН ✦ SLOW BURN ✦ DARK ACADEMIA ✦
ТАЙНЫ ПРОШЛОГО ✦ ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ ✦ СИЛЬНАЯ ГЕРОИНЯ

Валерия Кулина

Между долгом и сердцем

«Автор»

2026

Кулина В.

Между долгом и сердцем / В. Кулина — «Автор», 2026

После гибели семьи Амелия Грейсон поступает в закрытый институт благородных девиц Эшборн — последнее место, где можно спрятаться от прошлого. Среди строгих правил, уроков и тревожных слухов о надвигающемся политическом кризисе она пытается начать жизнь заново. Но всё меняется, когда внимание к ней начинает проявлять загадочный преподаватель истории — сдержанный и холодный мистер Джеймс Блэквуд. Он слишком внимателен к ней и явно скрывает больше, чем должен обычный преподаватель. Пока страна погружается в хаос, между ними рождается чувство, которому не должно было случиться: слишком разное положение, слишком опасные тайны прошлого и слишком высокая цена любви. История о потере дома, взрослении, женской свободе и любви, способной вернуть человеку желание жить.

© Кулина В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Между долгом и сердцем

Глава

1 глава

К тому моменту, когда экипаж свернул с главной дороги, начинало темнеть. Амелия отодвинула край тяжелой занавески и прижалась виском к холодному стеклу. За окном тянулись бесконечные холмы Северного Йоркшира, укрытые влажным сентябрьским туманом. Ветер трепал верхушки деревьев, а небо было таким низким и серым, будто вот-вот собиралось опуститься прямо на землю. Дождь шел с самого утра.

Мелкий, почти прозрачный, он покрывал окна тонкими дорожками воды и превращал дорогу в размытую темную ленту. Лошади устало фыркали, колеса вязли в грязи, а кучер уже второй раз за последний час ворчал себе под нос что-то о погоде.

На коленях лежала старая кожаная сумка — единственное, что осталось у нее по-настоящему своим. Внутри были книги отца, несколько писем, тонкий серебряный крест матери и лента Лилиан, которую она так и не смогла выбросить. Она крепче сжала ручку сумки. Эшборн-холл. Институт благородных девиц. Место, где воспитывали будущих жен, примерных матерей и идеальных леди. Место, которому она совершенно не принадлежала.

— Почти прибыли, мисс, — произнес кучер, не оборачиваясь. Амелия коротко кивнула, хотя он не мог этого видеть. Ей было шестнадцать. Еще полгода назад у нее был дом в Девоне, яблоневый сад под окнами, младшая сестра, смеявшаяся так громко, что мать постоянно просила вести себя тише, и отец, читавший книги вечерами у камина. Теперь ничего этого не было. Дом опечатали. Имя семьи обсуждали шепотом. А ее саму отправили на север страны по благотворительной рекомендации мистера Фэйрчайлда — старого знакомого отца. Иногда Амелии казалось, что все произошедшее случилось не с ней, а с кем-то другим.

Экипаж качнулся, медленно преодолевая подъем. И тогда она увидела Эшборн. Темное каменное здание поднималось над холмом почти мрачно. Высокие окна отражали серое небо, башни терялись в тумане, а стены были густо увиты плющом. Вдалеке виднелись конюшни и длинный внутренний двор, освещенный несколькими фонарями.

Институт больше напоминал старое поместье, чем учебное заведение. У ворот уже стояли другие экипажи.

Девушки в дорожных плащах выходили под дождь вместе с матерями и гувернантками. Кто-то смеялся, кто-то обнимал родственников, кто-то капризно жаловался на холод. Амелия наблюдала за ними молча. У нее не было никого, кто помог бы поправить воротник пальто перед выходом. На мгновение внутри неприятно кольнуло что-то тяжелое и пустое. Но уже через секунду Амелия глубоко вдохнула, выпрямилась и открыла дверцу экипажа сама.

В лицо сразу ударил холодный ветер.

— Благодарю, — сказала она кучеру прежде, чем тот успел подать руку.

Мужчина удивленно моргнул. Большинство воспитанниц института никогда бы не вышли из экипажа без посторонней помощи. Амелия же шагнула прямо в грязь, подхватила сумку и подняла взгляд на огромное здание Эшборна.

— Что ж, — тихо пробормотала она себе под нос. — Либо меня отсюда выгонят в первый же месяц, либо я уйду сама и впервые за долгое время едва заметно улыбнулась. Дождь усилился, когда Амелия поднялась по широким каменным ступеням к главному входу. Тяжелые двери Эшборн-холла были распахнуты, и внутри уже царил оживление. Горничные переносили чемоданы, девушки переговаривались между собой, где-то в глубине коридоров слышался

звон колокола и быстрые шаги. Внутри оказалось теплее, чем она ожидала. Амелия остановилась на несколько секунд под высоким сводчатым потолком, разглядывая холл. Темное дерево. Портреты строгих женщин в тяжелых платьях. Широкая лестница, уходящая наверх. Высокие окна, по которым стекала дождевая вода. Эшборн выглядел именно так, как и должен был выглядеть институт благородных девиц: красиво, холодно и немного пугающе.

— Новая воспитанница? Амелия обернулась. К ней приближалась высокая женщина лет сорока в темно-синем платье с идеально прямой спиной. Ее седые волосы были убраны под строгий чепец, а взгляд оказался настолько внимательным, что Амелии мгновенно захотелось спрятать табак, которого у нее сейчас даже не было.

— Амелия Грейсон, — спокойно ответила она. Женщина на секунду задержала взгляд на ее лице, затем открыла журнал в кожаном переплете.

— Мисс Грейсон... Да. Вас ожидают. Я мисс Пембрук, старшая наставница. Она говорила сухо, но без грубости.

— Вашу комнату подготовили еще вчера. Расписание занятий вы получите утром. В Эшборне подъем в шесть часов, опоздания недопустимы, покидать территорию без разрешения запрещено, а свет в спальнях гасится ровно в десять вечера. Амелия слушала очень внимательно. Чем дольше она слушала, тем сильнее внутри просыпалось странное желание нарушить хотя бы половину правил уже в первую неделю.

— Вы меня поняли, мисс Грейсон?

— Разумеется. Мисс Пембрук слегка прищурилась. Амелия слишком быстро ответила.

— Следуйте за мной. Они поднялись по лестнице на второй этаж. По пути мимо них пробежали девушки. Амелия почувствовала эти взгляды. Новости в таких местах распространялись быстрее простуды. Коридоры Эшборна казались бесконечными. Темные ковры заглушали шаги, за дверями слышались голоса и смех, а за окнами медленно сгустился вечер.

— Здесь проживают воспитанницы старших курсов, — произнесла мисс Пембрук. — Вам повезло получить место именно в этом крыле. «Повезло» звучало довольно спорно. Они остановились у двери в конце коридора.

— Ваша комната. Амелия ожидала увидеть что-то тесное и мрачное, но спальня оказалась неожиданно уютной. Небольшая, четырьмя кроватями, камином и письменным столом у окна. На соседней кровати уже лежали книги и аккуратно сложенное платье. После этого она протянула Амелии тонкую стопку бумаг.

— Ваше расписание. Завтра после завтрака вас представят директору. Имя Фэйрчайлда заставило Амелию едва заметно напрячься. Она помнила его еще по разговорам отца. Спокойный голос, запах табака и старых книг. Последний человек, который смотрел на нее не с жалостью.

— Благодарю, — тихо сказала она. Мисс Пембрук уже собиралась уйти, но вдруг остановилась.

— И еще кое-что, мисс Грейсон. Амелия подняла взгляд.

— В Эшборне очень ценят дисциплину. Уголок губ Амелии дрогнул.

— Тогда, полагаю, у нас впереди долгие и сложные отношения. Несколько секунд в комнате стояла тишина. Мисс Пембрук явно не привыкла к подобным ответам. Но к удивлению Амелии, женщина не сделала замечания. Только устало вздохнула.

— Не заставляйте меня жалеть о том, что я начинаю испытывать к вам симпатию уже в первый вечер. И впервые за все время слегка улыбнулась, прежде чем закрыть за собой дверь. Амелия осталась одна. На улице шумел дождь. Где-то далеко внизу хлопнула входная дверь, по коридору пробежали чьи-то шаги, а старые часы в холле пробили семь.

Амелия медленно подошла к окну. С высоты второго этажа был виден внутренний двор Эшборна, темные деревья за оградой и конюшни вдалеке. Она смотрела на них несколько

секунд, а затем тихо выдохнула. Пора осваиваться на новом месте. Амелия успела разобрать только половину вещей, когда дверь комнаты резко распахнулась.

Первой вошла высокая светловолосая девушка в идеально выглаженном дорожном платье. За ней следовали еще две воспитанницы, явно продолжавшие какой-то разговор.

— Я говорю тебе, если мисс Пембрук снова заставит нас вставать на рассвете ради прогулок, я просто... — начала одна из них и резко замолчала, заметив Амелию. В комнате повисла короткая тишина. Амелия спокойно подняла взгляд. Светловолосая девушка сжала в руках книги чуть крепче.

— Ох... Простите. Мы не знали, что уже кто-то приехал. Она говорила вежливо, но осторожно. Слишком осторожно.

— Очевидно, — ответила Амелия. Темноволосая девушка позади нее едва заметно приподняла бровь.

— Вы, должно быть, мисс Грейсон, — произнесла она спустя секунду. — О вас уже говорят половину дня.

— Надеюсь, ничего слишком скучного. На этот раз уголок губ темноволосой девушки дрогнул.

— Розмари Блейк. Она вошла первой из всех, словно совершенно не смущаясь присутствия новой соседки.

— Кэтрин Уэллс, — тихо представилась светловолосая девушка. Последняя воспитанница, стоявшая ближе к двери, выглядела так, будто вообще не понимала, стоит ли ей что-то говорить.

— Лили Харпер, — наконец произнесла она почти шепотом. Амелия коротко кивнула. Несколько секунд все молчали. За окнами шумел дождь. Где-то внизу хлопнула дверь, а затем послышался смех других девушек, доносившийся из коридора.

— Что ж, — первой нарушила тишину Розмари. — Значит, это правда.

— Что именно? — спокойно спросила Амелия.

— Что ты приехала сюда по личной рекомендации директора. Кэтрин заметно побледнела.

— Розмари!

— А что? Мне действительно интересно. Амелия медленно закрыла книгу, которую держала в руках.

— Тогда тебе стоит научиться задавать вопросы менее отвратительным тоном. Лили испуганно перевела взгляд с одной девушки на другую. Кэтрин выглядела так, словно сейчас упадет в обморок прямо посреди комнаты. А Розмари неожиданно усмехнулась.

— Хорошо. Теперь ты нравишься мне значительно больше.

— Какая честь.

— Розмари, прекрати немедленно, — тихо прошептала Кэтрин. Но та уже с интересом разглядывала Амелию.

— Ты совсем не похожа на тех девушек, которых обычно отправляют в Эшборн по благотворительным местам.

— А на каких они обычно похожи? — спросила Амелия, прислонившись бедром к краю стола. Розмари пожала плечами.

— Тихие. Запуганные. Благодарные за то, что им вообще позволили здесь находиться. Кэтрин бросила на нее укоризненный взгляд.

— Иногда мне кажется, что однажды тебя действительно кто-нибудь ударит, — сказала Кэтрин

— Пока никто не пытался.

— Потому что все боятся делать это первыми, — спокойно заметила Амелия. На секунду в комнате стало тихо. А затем Розмари неожиданно рассмеялась. Не громко, но совершенно искренне.

— Ладно, — произнесла она, снимая перчатки. — Теперь ты нравишься мне еще больше. Кэтрин выглядела так, будто происходящее стремительно выходит из-под контроля. Лили же, наоборот, впервые улыбнулась чуть свободнее.

— Вы правда раньше учились дома? — осторожно спросила она. Амелия кивнула.

— Отец преподавал мне сам.

— Вам повезло, — тихо сказала Лили. На мгновение что-то болезненное мелькнуло в лице Амелии, но исчезло так быстро, что остальные почти этого не заметили.

— Да, — спокойно ответила она спустя секунду. — Очень. Кэтрин, словно почувствовав перемену в настроении, поспешила сменить тему.

— Завтра после завтрака нас поведут к директору. Новеньких всегда представляют мистеру Фэйрчайлду лично.

— Он страшный? — спросила Амелия.

— Нет, — неожиданно ответила Розмари. — Но он умеет смотреть так, будто уже знает обо всех твоих будущих ошибках.

— Прекрасно. Значит, мы поладим. Кэтрин тихо застонала.

— Я уже понимаю, что этот год станет худшим в моей жизни.

— Неправда, — сказала Амелия с едва заметной улыбкой. — Худшие годы обычно начинаются очень тихо. Розмари прищурилась.

— А ты мрачнее, чем кажешься на первый взгляд.

— А ты любишь делать выводы слишком рано.

— Возможно. Лили тем временем подошла к окну и осторожно отодвинула тяжелую штору.

— Дождь все еще идет... За стеклом Эшборн-холл утонул в туманной сырости. Фонари во внутреннем дворе размывались золотистыми пятнами, а ветер качал темные ветви деревьев за оградой.

Амелия медленно перевела взгляд на комнату. Три совершенно незнакомые девушки. И впервые за последние месяцы внутри не было ощущения абсолютной пустоты.

2 глава

Колокол прозвучал в шесть утра. Так, словно целью его существования было исключительно разрушение человеческой души. Амелия вздрогнула, резко открывая глаза. За окнами стояла еще почти ночная темнота. Серое сентябрьское небо только начинало светлеть, а дождь, кажется, так и не прекращался с вечера.

— Боже... — простонала Кэтрин, натягивая одеяло на голову. — Я ненавижу Эшборн.

— Ты здесь меньше суток, — сонно заметила Розмари.

— Именно поэтому у меня еще есть силы ненавидеть его искренне. Лили тихо засмеялась, сидя на кровати и пытаясь распутать длинные светлые волосы. Амелия медленно поднялась. Пол в комнате оказался ледяным.

— Они что, специально делают здесь все настолько холодным? — пробормотала она, накидывая темный форменный жакет.

— Чтобы воспитывать характер, — совершенно серьезно ответила Кэтрин.

— Тогда к концу года мы все станем генералами. Розмари хмыкнула. Через двадцать минут все четыре девушки уже спускались по широкой лестнице вместе с остальными воспитанницами. Коридоры Эшборна наполнились голосами, шорохом платьев и запахом свежего чая, доносившимся из столовой. Амелия шла чуть позади остальных, внимательно разглядыва-

вая институт при свете дня. Теперь Эшборн выглядел иначе. Не таким мрачным, как вчера вечером. Свет из высоких окон падал на каменные стены, длинные галереи и старые портреты директрис прошлых лет. За окнами тянулись влажные холмы Йоркшира, а внутренний двор уже был заполнен девушками в одинаковой форме. Амелия чувствовала взгляды и делала вид, что не замечает их.

— Не смотри им в глаза, — тихо сказала Розмари рядом. — Тогда они устанут обсуждать тебя быстрее.

— А если я хочу, чтобы они обсуждали меня дольше? Розмари повернула голову и несколько секунд молча смотрела на нее.

— Ты действительно любишь неприятности.

— Нет. Просто они почему-то любят меня. Кэтрин обреченно прикрыла глаза.

— Мне уже страшно с вами ходить. Столовая Эшборна оказалась гораздо больше, чем Амелия ожидала. Высокий сводчатый потолок терялся где-то в полумраке под деревянными балками, потемневшими от времени. Узкие высокие окна пропускали внутрь холодный утренний свет, из-за чего длинные ряды столов казались почти бесконечными. За стеклами все еще шумел дождь, и капли медленно стекали по старым витражам. В центре зала тянулись длинные дубовые столы, отполированные десятилетиями использования. На них уже стояли: корзины с еще теплым хлебом, небольшие тарелки с джемом, масло, овсяная каша и фарфоровые чашки с гербом Эшборна. Девушки переговаривались между собой, кто-то повторял домашнее задание прямо за завтраком, кто-то спорил о расписании занятий, а младшие воспитанницы постоянно оглядывались на старших, стараясь вести себя правильно. Стоило Амелии войти внутрь вместе с соседками, как несколько разговоров почти сразу стихли. Новенькая всегда становилась событием в закрытом институте, а новенькая с ее историей — тем более. Амелия спокойно прошла между столами, делая вид, будто ничего не замечает, хотя спиной чувствовала чужие взгляды. Эшборн напоминал отдельный мир. Разговоры мгновенно стихли, когда в зал вошла мисс Пембрук.

— Воспитанницы, доброе утро.

— Доброе утро, мисс Пембрук, — хором ответил зал. Амелия едва не поморщилась. Это звучало так слаженно, будто девушек здесь дрессировали.

— Новые ученицы после завтрака будут представлены директору Фэйрчайлду. Старшие курсы получают расписание у восточного крыла. Напоминаю, что опоздание на занятия недопустимо. Половина девушек выглядела так, словно родилась с этим знанием. Амелия же больше интересовалась тем, как быстро можно незаметно выбраться из здания через боковой двор.

— Даже не думай, — тихо сказала Розмари, словно прочитав ее мысли.

— Я ничего не сказала.

— У тебя слишком подозрительное лицо.

— Это потому что я голодная. Лили снова тихо рассмеялась. Кэтрин же выглядела все более уверенной в том, что однажды попадет в скандал исключительно потому, что оказалась не в той комнате. После завтрака девушек повели в административное крыло. На стенах висели старые картины и часы, громко отсчитывающие секунды.

— Почему у меня ощущение, будто нас ведут на казнь? — шепотом спросила Амелия.

— Потому что это встреча с директором, — ответила Кэтрин так, будто этим уже все объяснялось. У дверей кабинета мисс Пембрук остановилась.

— Ведите себя достойно.

Розмари тихо пробормотала:

— Тогда у нас проблемы. Амелия едва заметно улыбнулась. А затем двери кабинета Эдмунда Фэйрчайлда открылись. Кабинет директора Эшборна оказался именно таким, каким Амелия помнила его хозяина — спокойным и строгим. Высокие шкафы из темного дерева

тянулись вдоль стен до самого потолка, а в камине тихо потрескивал огонь, прогоняя сырость сентябрьского утра. За массивным письменным столом сидел Эдмунд Фэйрчайлд. Он почти не изменился. Разве что волосы стали заметно седее, а взгляд — чуть более уставшим. Но та же прямая осанка, те же спокойные движения и тот же внимательный взгляд человека, который привык сначала думать, а уже потом говорить. При виде Амелии его лицо заметно смягчилось.

— Мисс Грейсон, — произнес он спокойно. — Рад видеть вас в Эшборне. Амелия вдруг поняла, что не была готова к этой встрече. Потому что вместе с Фэйрчайлдом в памяти слишком резко ожил дом в Девоне.

Теплый свет гостиной и голос отца, вместе с этим она почувствовала запах ужина, который готовила мать. Она вспомнила, как мистер Фэйрчайлд приезжал к ним несколько раз в год, всегда с книгами или свежими газетами из Лондона. Они с отцом могли часами сидеть у камина и спорить: об истории, политике, образовании, будущем страны. Брат неизменно присоединялся к этим разговорам, пытаясь доказать что-то сразу обоим взрослым мужчинам, а мать только качала головой и просила хотя бы иногда говорить не так громко за столом. Тогда дом был живым.

Амелия отвела взгляд, чувствуя неприятную тяжесть где-то под ребрами.

— Благодарю, мистер Фэйрчайлд, — тихо ответила она. Директор внимательно посмотрел на нее. И, как всегда, понял больше, чем она сказала вслух. Но к счастью, не стал говорить о прошлом. Вместо этого он поднялся из-за стола и подошел к длинному шкафу у окна.

— Полагаю, мисс Пембрук уже успела напугать вас правилами Эшборна.

— Совсем немного.

— Значит, она была в хорошем настроении. Амелия невольно улыбнулась. Фэйрчайлд тоже едва заметно усмехнулся, после чего достал несколько листов бумаги и вернулся к столу.

— В Эшборне существует обязательная программа для всех воспитанниц, — начал он. — Французский язык, литература, история, география, арифметика, основы естественных наук, богословие, музыка, танцы, домоводство, этикет и верховая езда. Розмари, стоявшая рядом с дверью, тихо пробормотала:

— То есть нас будут мучить со всех возможных сторон. Кэтрин едва не побледнела. Фэйрчайлд сделал вид, будто ничего не услышал.

— Однако старшим воспитанницам также разрешено выбирать дополнительные дисциплины. Обычно девушки предпочитают углубленную музыку, живопись или флористику. Он протянул Амелии список.

— Но выбор остается за вами. Амелия опустила взгляд на бумагу.

Среди предметов значились:

- латинский язык;
- философия;
- политическая история;
- риторика;
- астрономия;
- анатомия;
- драматическое искусство;
- углубленная литература.

Лили тихо восхищенно выдохнула:

— Здесь даже есть астрономия... Кэтрин уже выглядела так, будто количество уроков в Эшборне окончательно разрушило ее желание жить. Амелия же продолжала смотреть на список. А затем спокойно произнесла:

— Политическая история. Философия. Латынь и риторика.

В кабинете повисла короткая тишина. Розмари медленно повернула голову в ее сторону. Лили удивленно моргнула. Кэтрин выглядела так, словно только что услышала приговор. Фэйрчайлд же лишь слегка улыбнулся.

— Я ожидал именно этого выбора.

— Правда?

— Вы дочь Эдварда Грейсона. Было бы странно ожидать от вас любви к флористике. На этот раз Амелия рассмеялась уже по-настоящему. И Фэйрчайлд, наблюдая за ней, неожиданно подумал о том, насколько сильно она стала похожа на своего отца. Когда девушки вышли из кабинета директора, в коридоре снова стало шумно. Где-то неподалеку хлопали двери аудиторий, младшие воспитанницы спешили на занятия, а за высокими окнами по-прежнему шумел сентябрьский дождь. Амелия медленно выдохнула. Она и сама не заметила, насколько напряженной была все это время.

— Ну, — первой нарушила тишину Розмари, — поздравляю. Ты пережила встречу с Фэйрчайлдом и даже не была исключена в первый учебный день.

— Думаю, он просто еще не понял, насколько все плохо. Лили тихо засмеялась. Кэтрин же выглядела искренне потрясенной.

— Я до сих пор не могу поверить, что ты выбрала политическую историю добровольно.

— А я не могу поверить, что кто-то добровольно выбирает флористику.

— Цветы — это красиво!

— Революции тоже, если смотреть со стороны. Кэтрин издала тихий страдальческий звук. Амелия неожиданно улыбнулась чуть мягче и, поправив ремешок сумки на плече, произнесла:

— Кстати... спасибо. Все трое удивленно посмотрели на нее.

— За что? — спросила Лили.

— За то, что вы были рядом. Встреча с мистером Фэйрчайлдом оказалась... сложнее, чем я ожидала. На мгновение ее голос стал тише. Розмари внимательно посмотрела на нее. Слишком внимательно.

— Кем был твой отец? Вопрос прозвучал неожиданно прямо. Кэтрин мгновенно напряглась. Лили растерянно перевела взгляд на Амелию. А сама Амелия остановилась так резко, что подол форменного платья едва качнулся. Несколько секунд она молчала. А затем спокойно, но заметно холоднее ответила:

— Моим отцом. Розмари слегка приподняла брови.

— Я не это имела в виду.

— Я знаю. Тишина стала неловкой. Амелия отвернулась к окну, глядя на серый внутренний двор Эшборна.

— Это личное, — произнесла она уже спокойнее. — И я не люблю говорить о семье. На этот раз Розмари не стала спорить, лишь коротко кивнула. Именно в этот момент Амелия впервые поняла: Розмари умеет чувствовать границы, даже если постоянно делает вид, будто не признает их существование. Чтобы разрядить повисшую тишину, Лили поспешно произнесла:

— А... какие предметы выбрали вы? Кэтрин тут же подхватила тему с заметным облегчением.

— Я взяла музыку и углубленный французский.

— Потому что твоя мать мечтает выдать тебя за дипломата, — невозмутимо заметила Розмари.

— Это не смешно.

— Немного смешно. Кэтрин закатила глаза.

— А ты? Розмари поправила книги в руках.

— Анатомию и естественные науки. Лили удивленно моргнула.

— Правда?

— Меня с детства воспитывал отец-врач. Кто-то же должен будет объяснять богатым женщинам, что чай с бренди не лечит абсолютно все болезни. Амелия тихо усмехнулась.

— Уже начинаю тебя любить.

— Опасная фраза для первого дня знакомства. Лили покраснела, а затем чуть смущенно сказала:

— Я выбрала музыку и литературу. Это никого не удивило. Лили выглядела именно как человек, который пишет стихи в тетрадях и плачет над романами.

— А ты, Амелия? — спросила Кэтрин. — Почему именно политическая история, философия и риторика? Они снова посмотрели на нее. Но теперь — уже без любопытства. Скорее с искренним интересом. Амелия медленно пожала плечами.

— Потому что мне это нравится.

— Но зачем? — не поняла Лили. — Большинство девушек выбирают это только если готовятся помогать мужу в политике.

— Я не собираюсь замуж. Наступила тишина. Даже Розмари удивленно повернула голову. Кэтрин выглядела так, словно Амелия только что публично призналась в преступлении.

— В смысле... совсем? — осторожно переспросила Лили.

— Совсем. Амелия спокойно продолжила идти по коридору.

— Я хочу работать. Хочу сама распоряжаться своей жизнью. И мне действительно интересны эти науки. Она на секунду замолчала. Голос ее стал чуть мягче.

— Отец любил их. Он много преподавал мне сам. После этого несколько секунд никто ничего не говорил. А затем Розмари вдруг усмехнулась:

— Знаешь, Грейсон...

— Мм?

— Мне кажется, этот институт еще очень сильно пожалеет, что впустил тебя сюда. Амелия улыбнулась.

— Я на это надеюсь. Первым занятием у старшего курса в тот день оказалась история.

— Полагаю, это знак свыше, — пробормотала Розмари, пока девушки поднимались по восточной лестнице Эшборна. — Ты не успела провести здесь и суток, а тебя уже ведут навстречу политическим катастрофам.

— История — это не катастрофы, — спокойно ответила Амелия.

— История — это люди, которые слишком уверенно принимают плохие решения.

— Тогда это действительно катастрофы. Лили тихо рассмеялась. Кэтрин, как обычно, выглядела так, словно заранее переживала за всех присутствующих. Аудитория истории находилась в одной из самых старинных частей Эшборна. Высокие окна, темные книжные шкафы, карты Европы на стенах. Запах старой бумаги, мела и дождя, доносящегося с улицы каждый раз, когда ветер ударял в окна. Девушки постепенно занимали места. Амелия с интересом разглядывала кабинет. В отличие от остальных аудиторий, здесь почти не было декоративных деталей. Никаких цветов, вышивки или попыток сделать помещение «женским».

— Станный кабинет, — тихо заметила она.

— Потому что мистер Блэквуд терпеть не может лишние украшения, — ответила Розмари. Амелия подняла взгляд.

— Мистер Блэквуд? Но договорить она не успела. Дверь аудитории открылась. Разговоры мгновенно стихли. В кабинет вошел мужчина лет тридцати пяти. Высокий,

темноволосый, в идеально сидящем темном сюртуке. Он двигался спокойно, без лишней спешки, но в его присутствии было что-то такое, из-за чего даже самые шумные воспитанницы мгновенно выпрямляли спины. Мистер Блэквуд положил книги на кафедру и окинул аудиторию внимательным взглядом.

— Доброе утро, леди. Голос у него оказался низким и удивительно спокойным.

— Доброе утро, мистер Блэквуд, — хором ответили девушки. Амелия повторила чуть позже остальных. Блэквуд открыл журнал.

— Новый учебный год — прекрасное время убедиться, насколько сильно лето разрушает человеческий интеллект. Розмари тихо хмыкнула. Похоже, чувство юмора преподавателя нравилось ей значительно больше, чем она собиралась признавать вслух.

— Для начала посмотрим, что вы вообще помните, — продолжил мистер Блэквуд. — Мисс Уэллс. Кэтрин побледнела мгновенно.

— Причины Французской революции. Амелия заметила, как соседка судорожно выдохнула. Кэтрин отвечала неплохо. Но мистер Блэквуд слушал с таким выражением лица, будто его невозможно впечатлить в принципе.

— Достаточно, — спокойно произнес он спустя несколько минут. — Вы учили текст, а не пытались его понять. Сядьте. Кэтрин выглядела так, словно ее публично казнили. Следующей была Лили. Потом еще несколько девушек. Ответы становились все менее уверенными. Мистер Блэквуд сохранял одинаково спокойное выражение лица. А затем его взгляд остановился на Амелии.

— Мисс Грейсон. В аудитории почти сразу стало тише. Похоже, ее фамилию здесь уже знали.

— Как экономический кризис влияет на политическую устойчивость государства? Несколько девушек удивленно переглянулись. Вопрос был значительно сложнее предыдущих. Амелия медленно поднялась со своего места.

— Экономический кризис сам по себе редко становится причиной политического распада, — начала она. — Чаше он лишь показывает слабости системы, существовавшие задолго до него. На лице мистера Блэквуда впервые появилось что-то похожее на интерес. Амелия продолжила уже увереннее:

— Когда люди перестают чувствовать безопасность, они начинают искать виноватых. Если государство не способно сохранить доверие общества, кризис превращается не только в финансовую, но и в политическую проблему. В кабинете стояла абсолютная тишина. Даже Розмари перестала делать вид, будто ей скучно.

— Продолжайте, — спокойно произнес Блэквуд. Несколько секунд после ответа Амелии в аудитории стояла почти непривычная тишина. Даже дождь за окнами будто стал звучать тише. Мистер Блэквуд продолжал смотреть на нее спокойно и внимательно, слегка опираясь ладонью о край кафедры.

— Любопытно, — произнес он наконец. — И по всем предметам у вас столь же впечатляющие успехи, мисс Грейсон? Вопрос прозвучал ровно. Но Амелии почему-то показалось, что это не обычная преподавательская вежливость. Она спокойно выдержала его взгляд.

— Не думаю, что мне следует судить о собственных успехах, мистер Блэквуд. Уголок его губ едва заметно дрогнул. Словно ответ ему понравился.

— Разумно, — произнес он. — Какие дополнительные дисциплины вы выбрали? Теперь на нее обернулся уже почти весь класс. Амелия совершенно спокойно ответила:

— Политическую историю, философию, латынь и риторику. Тишина стала еще выразительнее. Кто-то тихо ахнул. Кэтрин прикрыла глаза так, будто заранее переживала за ее будущее. Розмари же выглядела откровенно довольной происходящим. Мистер Блэквуд несколько секунд молчал. И впервые за весь урок в его взгляде мелькнуло что-то похожее на настоящее удивление.

— Довольно необычный выбор для воспитанницы Эшборна, — произнес он наконец.

— Мне говорили это уже дважды за утро. На этот раз несколько девушек тихо рассмеялись. Даже Блэквуд отвел взгляд чуть в сторону, будто скрывая мимолетную усмешку. А затем снова стал совершенно серьезным.

— Что ж. Надеюсь, вы понимаете, что подобные дисциплины требуют значительно большего объема работы, чем флористика и вышивание.

— Я готова рискнуть.

— Весьма самоуверенно.

— Мне говорили это уже трижды за утро. Теперь аудитория засмеялась уже громче. Мистер Блэквуд медленно закрыл книгу.

— Прекрасно. Тогда, полагаю, вы все готовы к домашнему заданию. Улыбки исчезли мгновенно.

— К следующему занятию, — совершенно спокойно продолжил Блэквуд, — Вы подготовите письменный анализ причин революционных движений в Европе за последние сто лет. Не менее двадцати страниц. По кабинету прокатился тихий ужас.

— Кроме того, старший курс готовит сравнительный анализ политических реформ Франции и Англии. Кэтрин выглядела так, словно сейчас потеряет сознание. Лили медленно опустила голову на парту. Розмари тихо пробормотала:

— Он нас ненавидит.

— И это только первый день, — невозмутимо добавил Блэквуд. Колокол прозвучал особенно жестоко. Девушки начали медленно собирать книги, продолжая тихо жаловаться друг другу на объем работы. Амелия закрыла тетрадь и уже собиралась выйти, когда вдруг почувствовала на себе взгляд. Мистер Блэквуд смотрел прямо на нее. Всего секунду. А затем перевел взгляд на следующий ряд парт, будто ничего не произошло. Когда девушки наконец вышли в коридор, Кэтрин первой резко повернулась к Амелии.

— Что это вообще было?!

— История? — предположила Амелия.

— Нет! Твой ответ!

— Ты говорила так, будто читаешь лекцию в парламенте, — добавила Лили с искренним восхищением.

— И мистер Блэквуд впервые за все существование человечества выглядел заинтересованным, — заметила Розмари. Амелия фыркнула.

— Не преувеличивай.

— Я учусь у него третий год, Грейсон. Поверь мне, это был практически эмоциональный всплеск. Следующим занятием оказалась литература. К удивлению Амелии, аудитория совершенно не походила на кабинет истории мистера Блэквуда. Здесь было значительно светлее: большие окна выходили в сад, на подоконниках стояли живые цветы, стены были заставлены книжными шкафами, а в воздухе пахло чернилами, чаем и сушеными травами. У доски уже стояла преподавательница. Женщина лет сорока с мягкими чертами лица и удивительно спокойным взглядом.

— Добрый день, леди. Меня зовут миссис Аделаида Уинтерс. Ее голос звучал тепло, но уверенно. И впервые за весь день Амелия увидела преподавателя, которого девушки, кажется, не боялись. Скорее уважали.

— Литература, — продолжила миссис Уинтерс, — единственный предмет, способный научить человека понимать не только мир, но и самого себя. Хотя, разумеется, половина из вас все равно будет читать романы исключительно ради красивых мужчин. По аудитории прокатились смешки. Даже Розмари улыбнулась. Амелия же неожиданно почувствовала, что ей нравится эта женщина. Урок начался спокойно.

Миссис Уинтерс после долгих каникул задавала вопросы: о поэзии, драматургии, литературе эпохи Просвещения. И постепенно Амелия начала замечать, что преподавательница действительно слушает ответы учениц, а не просто ждет возможности исправить ошибку. Это было редкостью.

— Мисс Грейсон. Амелия подняла взгляд.

— Как вы считаете, почему трагедии Шекспира продолжают оставаться актуальными спустя столетия? Несколько девушек обреченно выдохнули. Очевидно, вопросы в Эшборне любили задавать сложные. Амелия ненадолго задумалась.

— Потому что люди почти не меняются, — спокойно ответила она. — Меняются эпохи, законы, государства... но человеческие страхи, гордость, ревность и жажда власти остаются теми же. Миссис Уинтерс внимательно смотрела на нее. Амелия продолжила:

— Люди читают трагедии Шекспира и узнают в них себя. Именно поэтому они не устают. В аудитории стало тихо.

— Очень хороший ответ, мисс Грейсон, — мягко произнесла миссис Уинтерс. — Вы много читаете?

— Да, мэм.

— Это заметно. И в отличие от мистера Блэквуда, миссис Уинтерс не пыталась скрыть уважение в голосе. Амелия почувствовала это сразу. И почему-то именно это оказалось гораздо неожиданнее строгого интереса преподавателя истории. В конце занятия, когда девушки начали собирать книги, миссис Уинтерс вдруг добавила:

— Надеюсь, Эшборн станет для вас хорошим местом, мисс Грейсон. Амелия на секунду замерла. Потому что эти слова прозвучали слишком искренне.

— Благодарю, мэм, — тихо ответила она. К вечеру Эшборн окончательно ожил. Коридоры наполнились голосами, из музыкальных классов доносилось фортепиано, кто-то повторял французские слова прямо на лестницах, а младшие воспитанницы носились по этажам, пока мисс Пембрук не видела. В комнате девушек царил настоящий хаос. Кэтрин сидела за столом с таким выражением лица, будто домашнее задание мистера Блэквуда стало личным оскорблением. Розмари лежала поперек кровати с книгой на лице. Лили пыталась переписывать конспекты красивым почерком. Амелия же сидела на подоконнике, наблюдая за дождем.

— Двадцать страниц, — простонала Кэтрин. — Двадцать. В первый день.

— Это не задание, это политическая месть, — пробормотала Розмари из-под книги.

— А мне нравится мистер Блэквуд, — неожиданно сказала Лили.

Розмари убрала книгу с лица.

— Конечно нравится. Половине института нравятся мужчины, которые выглядят так, будто ненавидят человечество. Лили покраснела. Амелия тихо усмехнулась.

— Он действительно страшный, когда смотрит на тебя во время ответа, — призналась Кэтрин.

— Нет, — задумчиво произнесла Амелия. — Скорее... слишком внимательный. Розмари резко повернула голову.

— О, ты тоже это заметила.

— Что именно?

— Такое ощущение, будто он постоянно анализирует людей.

— Может, потому что он преподаватель истории.

— А может, потому что он пугающий человек. Лили тихо рассмеялась. За окном сверкнула молния. Комната на секунду осветилась холодным светом. И именно в этот момент Амелия вдруг сказала:

— Хотите прогуляться? Три пары глаз уставились на нее.

— Сейчас? — осторожно уточнила Кэтрин.

— Именно сейчас.

— После отбоя нельзя выходить из комнат, — напомнила Лили.

— Это делает прогулку значительно интереснее. Кэтрин побледнела так быстро, будто у нее отняли последние годы жизни.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Да. Розмари медленно села на кровати. И в ее глазах появилось то самое опасное любопытство.

— Куда именно ты собираешься нас потащить? Улыбка Амелии стала шире.

— Для начала — на кухню. Через полчаса четыре фигуры в темных накидках крались по почти пустому коридору Эшборна. Кэтрин шепотом молилась. Лили едва сдерживала смех. Розмари выглядела так, будто наслаждалась происходящим слишком сильно. Амелия же уверенно шла впереди.

— Откуда ты вообще знаешь дорогу? — прошептала Розмари.

— Я наблюдательная.

— Ты пугающая.

— Это тоже полезный навык. Они почти добрались до лестницы, ведущей к кухонному крылу, когда впереди вдруг послышались шаги. Девушки мгновенно замерли. А затем из полумрака коридора вышел мистер Блэквуд. Девушки замерли. На одно короткое мгновение в коридоре повисла абсолютная тишина. А затем началась паника. Кэтрин первой тихо пискнула:

— Господи... Лили резко схватилась за рукав Амелии. Розмари прошептала:

— Бежим. И вся компания одновременно попыталась скрыться в разные стороны.

— Стоять. Голос мистера Блэквуда прозвучал спокойно. Но так, что девушки мгновенно остановились. Амелия медленно прикрыла глаза. Пойманы. Прекрасно.

— Вернитесь обратно, — произнес Блэквуд тем же ровным тоном. Кэтрин выглядела так, будто была в шаге от смерти. Лили уже почти плакала. Розмари, напротив, пыталась сохранить остатки достоинства, хотя выражение лица у нее было крайне виноватое. Амелия же медленно повернулась первой. Мистер Блэквуд стоял посреди полутемного коридора, держа в руке несколько книг. Свет настенных ламп падал на его лицо, делая взгляд еще более строгим. Он внимательно посмотрел сначала на одну девушку, потом на другую. И в конце — на Амелию. Слишком долго.

— Полагаю, — спокойно произнес он, — вы все направлялись молиться. Розмари неожиданно кашлянула, скрывая смех. Кэтрин издала тихий страдальческий звук.

— Простите нас, мистер Блэквуд, — быстро проговорила она. — Это больше не повторится, мы просто...

— Просто что? Кэтрин окончательно растерялась. Лили вдруг действительно начала плакать.

— Мы не хотели ничего плохого...

— Лили, ради Бога, не плачь, — шепотом простонала Розмари.

— Я не специально!

— Разумеется, мисс Харпер. Амелия едва сдерживала улыбку. И это, кажется, Блэквуд заметил.

— А вам происходящее кажется забавным, мисс Грейсон?

— Немного. Розмари тихо выдохнула:

— Мы обречены. Блэквуд медленно приподнял бровь.

— Поразительная честность.

— Вы задали прямой вопрос. Несколько секунд он смотрел на нее молча. А затем неожиданно произнес:

— И кто именно предложил эту выдающуюся идею? Три девушки одновременно повернулись к Амелии.

— Потрясающе, — пробормотала она.

— Так я и думал, — спокойно сказал Блэквуд. Но, к удивлению девушек, настоящей злости в его голосе не было. Скорее усталое понимание. Будто он заранее ожидал чего-то подобного именно от Амелии Грейсон.

— Завтра после занятий вы все останетесь в библиотеке Эшборна и будете переписывать правила института. Кэтрин побледнела.

— Все? — тихо уточнила Лили.

— Разумеется, все. Преступление было коллективным.

— Это тирания, — пробормотала Розмари.

— Мисс Блейк.

— Простите. Блэквуд тяжело вздохнул. А затем вдруг сказал уже спокойнее:

— А теперь отправляйтесь спать, пока мисс Пембрук не решила лично проверить коридоры. Поверьте, мое наказание значительно гуманнее ее методов воспитания. Это прозвучало настолько серьезно, что девушки мгновенно поверили. Амелия уже собиралась развернуться, когда вдруг услышала:

— Мисс Грейсон. Она остановилась.

— Да, мистер Блэквуд? Он посмотрел прямо на нее.

— В следующий раз выбирайте менее очевидные маршруты. На секунду Амелия растерялась. Уголок ее губ дрогнул.

— Учту. Когда девушки влетели обратно в комнату, тишина продержалась ровно три секунды. А потом все одновременно расхохотались. Кэтрин первой рухнула на кровать.

— Я думала, что умру.

— Нет, — возразила Розмари сквозь смех. — Ты думала, что тебя исключат. Это разные вещи. Лили все еще пыталась успокоиться после слез и одновременно смеялась.

— Я не могу поверить, что мы действительно это сделали...

— И были пойманы в первый же вечер, — добавила Розмари.

— Это потому что у нас ужасный лидер, — заявила Кэтрин, указывая на Амелию.

— Неправда. Просто вам достался амбициозный лидер. Лили улыбнулась так тепло, что у Амелии вдруг неприятно сжалось сердце. Потому что именно так иногда улыбалась Лилиан.

— Знаете, — неожиданно сказала Кэтрин, — я впервые за очень долгое время действительно повеселилась.

— Я тоже, — призналась Лили. Розмари посмотрела на Амелию чуть внимательнее обычного.

— Грейсон.

— Мм?

— Я уже понимаю, что ты принесешь нам огромное количество проблем.

— Но?

— Но, кажется, я рада, что ты появилась в Эшборне. Что-то теплое и непривычное кольнуло внутри. Амелия только усмехнулась и отвернулась к окну, чтобы никто не заметил выражение ее лица. Позже, когда свечи почти догорели и девушки постепенно уснули, комната наконец затихла. Кэтрин спала, завернувшись в одеяло почти полностью. Розмари уснула прямо с книгой рядом. Лили тихо сопела, повернувшись к стене. Амелия же сидела у окна с тетрадями мистера Блэквуда. Свеча отбрасывала золотистый свет на страницы, дождь тихо стучал по стеклу, а старые часы где-то внизу пробили полночь. Она пыталась писать о революциях. Но вместо этого думала о доме. О матери.

Эвелин Грейсон всегда любила дождливые вечера. В такие дни она готовила что-нибудь особенно вкусное, зажигала свечи в гостиной и просила детей читать ей вслух. Амелия вдруг так отчетливо вспомнила ее руки — теплые, пахнувшие лавандой и выпечкой, — что внутри болезненно сжалось. А потом взгляд снова упал на Лили. И сердце кольнуло сильнее.

— слишком сильно напоминали Лилиан. Маленькую сестру, которая всегда засыпала рядом с ней во время грозы. Амелия медленно закрыла тетрадь. Комната Эшборна была чужой. Но впервые за долгое время одиночество ощущалось не таким тяжелым. С этими мыслями она наконец погасила свечу и позволила себе уснуть под шум дождя за окнами.

Глава 3

К концу первой недели Эшборн начал казаться Амелии менее чужим. Жизнь института постепенно превращалась в привычный ритм. И, к удивлению Амелии, ей это нравилось. Особенно — их комната. Потому что рядом с девочками Эшборн переставал быть просто строгим институтом и начинал напоминать настоящий дом.

— Если мистер Блэквуд снова задаст нам двадцать страниц, я официально начну революцию первой, — пробормотала Розмари, пока девушки поднимались по лестнице на утреннюю арифметику.

— Ты не умеешь организовывать революции, — заметила Амелия.

— Зато ты умеешь.

— Это пугает, — тихо сказала Лили. Кэтрин обреченно вздохнула:

— Мне иногда кажется, что однажды нас действительно арестуют.

— Только если поймают, — невозмутимо ответила Амелия. Розмари тихо рассмеялась. Несмотря на постоянные разговоры и шутки, учились девушки действительно хорошо. Особенно это удивляло преподавателей.

Аудитория арифметики встретила их запахом мела и сырого дерева. Миссис Говард — невысокая сухая женщина с идеально собранными волосами — уже стояла у доски. Она преподавала арифметику так, будто вела военную кампанию.

— Доброе утро, леди.

— Доброе утро, миссис Говард.

— Сегодня мы проверим, насколько лето разрушило ваши способности мыслить.

— Это заразно у преподавателей истории? — шепнула Розмари Амелии.

— Полагаю, их этому учат отдельно. Кэтрин едва не подавилась смехом. К счастью, миссис Говард уже повернулась к доске. Урок начался спокойно. Первые полчаса девушки решали задачи, переписывали формулы и пытались не умереть от скуки. Ровно до того момента, пока миссис Говард не задала особенно сложный пример. В классе повисла напряженная тишина. Даже Розмари нахмурилась. Амелия же почти сразу взяла перо.

— Мисс Грейсон, — неожиданно произнесла миссис Говард. — Вы уже закончили?

— Да, мэм.

— Тогда будьте добры объяснить решение остальным. Розмари тихо простионала:

— Предательница. Амелия поднялась. Несколько минут спустя половина аудитории смотрела на нее так, будто она занималась черной магией. Даже миссис Говард выглядела впечатленной.

— Очень хорошо, мисс Грейсон, — произнесла она наконец. — Полагаю, ваш отец уделял большое внимание вашему образованию. На секунду Амелия замерла. Но почти сразу спокойно ответила:

— Да, мэм. Миссис Говард внимательно посмотрела на нее. Колокол прозвучал неожиданно громко. Девушки начали собирать книги.

— Если ты еще хоть раз так быстро решишь задачу, я тебя возненавижу, — заявила Розмари, выходя из аудитории.

— Это будет очень печально.

— Нет, правда, это ненормально.

— Зато удобно, — заметила Лили. — Теперь мы можем выжить на арифметике. Кэтрин вдруг резко остановилась посреди коридора.

— О нет.

— Что? — спросила Амелия. Кэтрин посмотрела на расписание так, будто увидела там собственную смерть.

— Верховая езда. Розмари медленно улыбнулась.

— Ну что ж, леди... Пора унижаться перед лошадьми. Осенний воздух оказался холоднее, чем Амелия ожидала. Когда девушки вышли во внутренний двор Эшборна, ветер сразу ударил в лицо запахом мокрой травы, дождя и сена. Небо над Йоркширом оставалось тяжелым и серым, но дождь наконец прекратился, оставив после себя влажные дорожки и блестящие крыши конюшен. Где-то неподалеку тихо фыркнула лошадь. И Амелия неожиданно почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Она не подходила к лошадям с тех пор, как погибла Лилиан. Не потому что боялась. Просто после смерти семьи слишком многое стало напоминать о доме.

— Только не говори мне, что ты умеешь ездить верхом, — простонала Розмари, заметив выражение ее лица. Амелия едва заметно усмехнулась.

— Боюсь, сейчас ты снова почувствуешь себя недостаточно талантливой.

— Невыносимая женщина. Конюшни Эшборна оказались значительно больше, чем Амелия представляла. Высокие деревянные стойла, запах кожи и сена, темные балки под крышей, шум копыт по каменному полу. Несколько девушек уже нервно переговаривались возле загона, пока преподаватель верховой езды проверял лошадей.

— Доброе утро, леди, — произнес он, подходя ближе. — Полковник Ричардсон. Высокий мужчина с военной выправкой и густыми седыми усами выглядел человеком, способным командовать армией даже во время чаепития. — Верховая езда воспитывает дисциплину, выдержку и самообладание. Некоторые из вас сегодня убедятся, что не обладают ни одним из этих качеств. Розмари тихо пробормотала:

— Мне уже нравится этот человек. Кэтрин выглядела так, будто мечтала сбежать обратно на арифметику. Лили нервно сжимала перчатки. Амелия же почти не слушала. Она смотрела на лошадей. Одна из них — темно-гнедая кобыла с белым пятном на лбу — тихо ткнулась носом в дверцу стойла. И на мгновение Амелии показалось, будто она снова дома. Грудь неприятно сжало.

— Мисс Грейсон. Амелия подняла взгляд. Полковник Ричардсон внимательно смотрел на нее.

— Вы уже ездили верхом раньше?

— Да, сэр.

— Это заметно. Он произнес это еще до того, как она села в седло. Потому что Амелия двигалась рядом с лошадьми слишком уверенно. Как человек, который привык к ним с детства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.